
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ

Э.М. Спирова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЫШЛЕНИЯ

Аннотация: как человек думает? Можно ли научить человека думать лучше, эффективнее, продуктивнее и точнее? Проблемы мышления вызывают все больший интерес не только у философов, но и у психологов. Особое внимание к этой теме обнаруживает и философская антропология. С чем это связано? Автор статьи пытается раскрыть антропологический аспект мышления.

Ключевые слова: психология, философия, мышление, антропологический аспект, субъект, смысл, бессмыслица, абстракция, невроз, потребность.

Изучение интеллекта

В.М. Розин справедливо полагает, что мышление практически все больше усложняется во всех областях деятельности и практиках. В результате для эффективной мыслительной работы мышление приходится планировать и программировать, а это одна из важнейших функций методологии. В свою очередь, усложнение мышления связано как с расширением спектра применяемых средств и методов, так и с необходимостью выбора той или иной познавательной стратегии. Если, например, в XIX столетии естественнонаучный метод и подход считались главными, то в настоящее время наряду с ним широко используются гуманитарные и социальные мыслительные стратегии (дискурсы). Часто исследователь должен сам выработать стратегию и план мышления, по сути, совершенно новые¹.

За последние десятилетия в области изучения мыслительных процессов человека произошли значительные изменения. Многие традиционные точки зрения, связанные с исследованием интеллекта, мышления, познания, сегодня оказываются устаревшими. Это относится, в частности, к стремлению создать «окончательную», «единственно верную» модель познания на основе эпистемологии и когнитивной психологии. Другой тенденцией оказывается стремление «оградить» теорию мышления от иных, смежных областей психологического знания. «Психологи начинают отождествлять человека с когнитивным стилем, которым он обладает, с познавательными мотивами, которые ему свойственны, с идеями, которые он продуцирует. Однако сколь бы искусно мы не описывали

те или иные особенности познавательных процессов, сами по себе эти особенности или их определенная организация не способны действовать в предметном мире. Субъектом деяния, поступка выступает сам человек (но не мотив или мышление), сама личность»². Некоторые механические схемы мышления не подтверждаются даже в процессе решения повседневных задач.

Назрела потребность в освоении новых перспективных направлений когнитивной психологии. Среди них особую ценность представляет, на наш взгляд, эволюционно-информационная эпистемология. Она стремится интегрировать когнитивные модели, модели переработки информации и современные эволюционные представления применительно к задаче психологического исследования человеческого познания. Разделяя вместе с многими другими направлениями натуралистической эпистемологии позиции гипотетического реализма³, эволюционно-информационная эпистемология в то же время полагается на свои собственные предпосылки, рассматривая человеческое познание как видоспецифическую форму информационного контроля окружающей среды и внутренних когнитивных состояний людей, обеспечивающих их выживание. «Эта форма информационного контроля возникает из процесса взаимодействия эволюционирующих объекта и субъекта познания, которые в одинаковой степени реальны и принадлежат к одному и тому же типу реальности»⁴.

---

² Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск, 2003. С. 12.

³ См.: Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. М., 1998.

⁴ Меркулов И.П. Когнитивные способности. М., 2005. С. 3.

---

¹ Розин В.М. Методология. Становление и современное состояние. М., 2005. С. 4.

Окружающий нас мир за минувшие десятилетия серьезно переменялся — сейчас даже трудно представить себе какую-то сферу практической деятельности людей, где бы вообще не применялись информационные технологии. Персональный компьютер, Интернет и другие глобальные средства коммуникации стали неперенными атрибутами нашей повседневной жизни. Научный и технологический процесс, быстрое развитие в последние десятилетия информационных технологий и создание на их основе все более сложных искусственных интеллектуальных устройств ставят современную эпистемологическую психологию перед весьма непростым выбором — либо она должна скорректировать свои представления с учетом теоретических достижений и экспериментальных данных когнитивной науки, либо, ограничившись традиционными теоретико-познавательными парадигмами, оказаться на периферии когнитивных исследований.

Феномен смысла

За последние годы в отечественной психологии возник обостренный интерес к феномену смысла. Это понятие стало сегодня междисциплинарным. Оно используется в философии, этике, психологии и в других гуманитарных дисциплинах. При этом рождается фундаментальная оппозиция — осмысленность и бессмысленность. По словам французского философа Жюль Делёза, понимание возможно только как самоутверждение смысла перед ликом бессмыслия, рождения чего-то в разворачивающемся поле ничто⁵. Понять, по Делёзу, означает заразиться бессмыслием, чтобы, вступив в борьбу со смертельным исходом, самому породить новый смысл.

Однако смысл не находится в определенной точке пространства и времени, откуда его можно взять и примерить на себя, истолковать окончательно и безупречно. Смысл, эта «несуществующая сущность» (Делёз), ускользает от попыток предельной, исчерпывающей вербализации и рационализации, однако он постоянно воссоздается и уточняется в процессах общения между людьми и культурами. В прошлом веке человечество столкнулось с ситуацией смыслопотери. Современная философия стала уделять этому феномену значительное внимание. Многие авторы пишут сегодня о том, что «вымывание» из человеческой жизни основополагающих ценностей, мотивов и целей, смыслов обесценивает человеческую жизнь, превращая ее в подобие жизни. Поэтому так акту-

ально обращение к проблеме смысла в философском ключе, интегрирующем многообразие подходов к пониманию смысла в психологии, логике, лингвистике, социологии.

Как создается смысл? Где он пребывает? Как передается и понимается? Этим вопросам посвящены работы выдающихся философов и психологов, но исчерпывающего ответа всё еще нет. Есть осознание того факта, что мы натолкнулись на чрезвычайно важную проблему понимания. Культура — это конституирование определенной осмысленной общности между людьми, которая, связывая и объединяя, открыта иному бытию и опыту. При таком понимании культуры становится очевидна ограниченность инструментального подхода к человеческому существованию. Все эти обстоятельства объясняют необходимость обращения к теме смыслового мира образования. Чувство осмысленности жизни дает опору, внушает надежду, заставляя вновь и вновь обращаться к выявлению сущности смысла.

Понимать — это означает всегда «входить в контакт». Если мы рассматриваем письменную или устную речь как некое информационное поле, то важно осознать те механизмы, которые определяют феномен творческого истолкования посланного текста.

Понимание всегда означает отношение человека к тексту, синоним того, с какой единицей коммуникации, каким знаковым образованием мы имеем дело. Процесс понимания характеризуется следующими факторами:

1. Ментально-физиологической активностью того, кому послан текст;
2. Степенью текстовой сложности;
3. Креативностью того, кто принимает послание, ведь в процессе коммуникации текст искажается;
4. Различной степенью и глубиной: понимание может быть полным и неполным, адекватным и неадекватным.

Когда мы слушаем лектора и не можем войти в лабораторию его мысли, мы находимся в пространстве бессмысленности. Смысл не присутствует в его лекции как нечто предуготовленное, преднайденное: его следует только уловить. Напротив, постижение смысла — это оригинальный и творческий процесс. Результат понимания может оказаться гораздо более богатым, нежели то содержание, которое заключено в сообщении. Бессмыслица, таким образом, в аспекте феноменологии, понимающей психологии, в аспекте осмысленной значащей целостности выступает как некая стадия, как путь к обретению смысла.

⁵ Делёз Ж. Критика и клиника. СПб., 2002.

В наш прагматичный век не всегда удается додумать до конца некоторые значимые мысли. Весомость той или иной фразы мы нередко оцениваем только по тому содержанию, которое она заключает в себе. Это кажется очевидным. Рейтинг профессора определяем по его трудам, по тому, что прозвучало с кафедры. Но «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Между тем высказанное и осмысленное — разве это одно и то же? Всегда ли нам удастся постичь неисчерпаемую глубину смысла? Положительным результатом человеческой коммуникации может служить относительно полное, либо частичное понимание. Однако важно выйти за рамки узко лингвистических гипотез и приступить к комплексному изучению данного феномена.

При анализе феномена понимания мы, разумеется, сталкиваемся с неразвитостью ума тех, кого мы обучаем. Однако именно это обстоятельство заставляет нас более основательно размышлять о феномене понимания, о применении познавательных способностей. И. Кант отмечал, что притязание разума к нему можно выразить в трех вопросах, соответствующих трем видам этой способности:

- Чего я хочу? (спрашивает рассудок);
- От чего это зависит? (спрашивает способность суждения);
- К чему это приведет? (спрашивает разум)⁶.

По своей способности отвечать на эти три вопроса люди очень отличаются друг от друга. Первый вопрос требует ясного ума, способного понять самого себя; и этот природный дар при наличии некоторой культуры довольно распространен, особенно если на это направляют внимание. Для правильного ответа на второй вопрос, по мнению Канта, нужен талант. Книжная ученость увеличивает знания, но, если ей на помощь не приходит разум, она не расширяет понятие и понимание. Ее следует отличать от игры с попытками применения разума без соблюдения его законов.

В педагогической работе чрезвычайно важно понять, насколько глубоко понят смысл того, что излагается на уроках или во время лекций. Каждое сообщение, посланное аудитории, проходит множество барьеров (гносеологических, социально-психологических, психологических, эстетических и др.), которые в значительной степени искажают смысл или делают его непроницаемым. Скажем, гносеологические барьеры обнаруживают себя тогда, когда люди, воспринимающие сообщение, вообще не обладают абстрактным мышлением или оно у них слабо развито. В результате,

если сообщение имеет дело с отвлеченными реальностями, смысл его может оказаться непонятым или искаженным.

«Понятия «смысл» и «значение» являются базовыми для интерпретации структуры человеческого сознания. В научной литературе мы встречаемся с множеством различных трактовок этих терминов, зачастую противоположных, иногда неопределенных. Трудности объяснения функционирования двух основных образующих индивидуального сознания до сих пор остаются и в психологии⁷.

Есть все основания полагать, что способность к абстрактному мышлению свойственна далеко не всем людям. Из эмпирического исследования известно, что многие студенты вообще не в состоянии освоить материал, связанный с высоким уровнем абстрагирования. Способность к абстракции не связана непосредственно с фактом креативности мышления. Высокий уровень креативности не обеспечивает абсолютной гибкости интеллекта и его готовности воспринимать материал в отвлеченно-абстрактном варианте. Однако существуют методы развития ментальных навыков.

Особая теоретическая значимость проблемы проявляется:

- ✓ в обосновании идеи о том, что в жизни каждого человека мышление не существует как чисто интеллектуальный процесс, а неразрывно связано с иными психическими процессами, не наличествует изолированно от сознания человека в целом;
- ✓ в раскрытии мысли, свидетельствующей о том, что в реальном мышлении существенную роль могут играть не только смыслы, но и образы, интуиция и т.д.;
- ✓ в допущении, что можно, по-видимому, говорить об эволюции мышления, о его этапах. Они характеризуются различным соотношением право- и левополушарных стратегий;
- ✓ в утверждении, что даже в когнитивной системе человека большинство ментальных процессов протекает неосознанно, их интегральный сознательный контроль осуществляется здесь главным образом на уровне целей и намерений;
- ✓ в уточнении принципиального различия между понятиями «креативное мышление» и «абстрактное мышление»;
- ✓ в разработке методик развития ментальных навыков.

⁶ Кант И. Соч. в 8 томах. Т. 7. М., 1994. С. 258.

⁷ Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск, 2003. С. 175.

Способность к абстрактному мышлению обусловлена генетически. Многие люди от рождения не способны к интеллектуальным операциям на уровне понятий. Получая информацию отвлеченного характера, они стремятся перевести ее на язык конкретики, снижая абстракцию до эмпирического понимания. В этом случае неисчерпаемость смысла оказывается не реализованной, адекватность восприятия сообщения нарушается.

Однако это вовсе не означает, будто обучение во многих случаях должно отказаться от уровня абстракции. Многие люди обладают способностью к абстрактному мышлению, но не сумели обогатить ментальные навыки. В этом случае важно помочь студентам развить свои способности к отвлеченному мышлению. Следует также иметь в виду, что отсутствие абстрактного мышления, судя по всему, компенсируется всеми резервами человеческой психики.

Коэффициент интеллектуальности

Коэффициент интеллектуальности (КИ) отражает способности к уяснению и пониманию, а творческий потенциал связан скорее с навыками дивергентного мышления. Кроме того, КИ зависит от объема информации, который испытуемый хранит в памяти. Но при выполнении тестов на дивергентное мышление результат тоже в какой-то мере обусловлен имеющимся объемом знаний. Если необходимой информации в памяти нет, она не может быть извлечена для решения задач на дивергентное мышление. Недаром многие творчески продуктивные люди подчеркивают, что запас знаний в памяти чрезвычайно важен, а КИ рассматривают как «показатель верхнего предела при выполнении некоторых тестов на дивергентное мышление».

Поскольку при тестировании на КИ наибольшую роль играет информация, выраженная семантическим кодом (т.е. словесная информация), то ограничительная роль КИ должна быть наиболее очевидной при использовании словесных тестов. Это подтверждается экспериментально: коэффициент корреляции между результатами тестов на КИ и на дивергентное мышление значительно выше при использовании вербальных тестов, чем фигурно-пространственных и символических.

Чем выше КИ, тем больше шансов обнаружить среди испытуемых по крайней мере несколько человек с высоким творческим потенциалом. Не было случая, когда при низком КИ обнаруживались бы высокие показатели дивергентного мышления. Но при высоком КИ нередко низкие результаты

тестирования на дивергентное мышление. Таким образом, связь между КИ и дивергентным мышлением — односторонняя.

Способность к абстракции не связана непосредственно с фактом креативности. Проблема мышления только сейчас начинает оформляться в качестве специальной области теоретического психологического знания. Мышление рассматривается как высший познавательный психический процесс, который характеризуется обобщенным и опосредованным отражением действительности и существующих связей между явлениями внешнего мира. Мыслительные операции изучаются в отечественной психологии через категории «анализа» и «синтеза», «обобщения» и «различения», «абстракции» и «конкретности». Исследователи выделяют несколько видов мышления: по форме, характеру, по степени развернутости, степени новизны. В последнем случае, как известно, различают две формы мышления — дивергентное и конвергентное (Дж. Гилфорд). Дивергентное мышление является одним из важнейших качеств творческой личности и связано с креативностью — общей творческой способностью человека (В.Н. Дружинин). В возрастной психологии изучают развитие мышления у ребенка как постепенное становление у него интеллектуальных функций (школа Ж. Пиаже). По форме выделяют три вида мышления: наглядно-действенное, наглядно-образное и абстрактно-логическое. Последнее оперирует понятиями, суждениями и умозаключениями для создания сложных рационалистических логических систем. Мышление связывают с интеллектом, высокий уровень развития мышления (особенно теоретического) обеспечивает быстрое решение интеллектуальных тестов и высокий коэффициент интеллекта.

До середины прошлого века психология мышления развивалась в рамках борьбы психологических школ, в логике развития теоретического знания, прежде всего, О. Кюльпе, О. Зельц, В. Кёллер, М. Вергеймер, К. Дункер. Запрос же со стороны практики в начале минувшего столетия ограничивался задачами дифференцирования психической нормы и патологии, идущих от проблем обучения в частности (А. Бине, В. Штерн, Ф. Гальтон, Ж. Пиаже, А. Валлон).

Мышление, направленное на реальные предметы, называется конкретным. Мы говорим исключительно о нильских крокодилах, и ни о каких других. Дальше этого объекта мысль не устремляется. Но мышление может быть и абстрактным. Поначалу речь шла конкретно о первой любви. Но вдруг мой сосед по парте придал дискуссии глубинное направление. «А что такое любовь вообще?» — спросил он, приглашая нас

к разговору, а, возможно, и спору. Мы стали уточнять это понятие. Попутно переключились на другие вопросы, которые имеют отвлеченный, то есть философский характер.

Конкретное и абстрактное мышление в реальности не разделены нерушимыми принципами. Мы легко переходим от конкретного предмета к абстракции, скажем, от картины известного художника к изобразительному искусству вообще. Но в то же время, говоря об изобразительном искусстве в целом, умышленно обращаемся и к конкретным произведениям, то есть к реальным объектам.

Постоянные переходы мысли от конкретного к абстрактному и наоборот, свидетельствуют о том, что сфера мышления постоянно меняет свой объем и содержание. Способность мыслить может быть полноценной, ощутимой. Но в особых случаях, например перед лицом смертельной опасности или в минуты любовного опьянения, сфера мышления может совершенно исчезнуть, оставив человека наедине с самим собой. Не зря, например, говорят: «Она совершенно потеряла голову...» Какой из этого следует вывод? Разум есть сознание в действии... Сознание реализует себя через мышление. Но сам по себе этот процесс не однозначен. Мышление развертывает себя в разных формах и в разном объеме.

Нередко мышление пользуется абстракциями. Иначе говоря, мысль создает некое понятие, некий образ, в котором присутствуют общие признаки, но при этом исчезает конкретное. Например, если я попрошу вас вызвать в воображении животное, то вы тотчас же представите его, и, наверное, это будет образ волка, медведя или лошади. Разумеется, можно пользоваться и конкретными образами. Но ведь вам нужно обозначить нечто, общее для всех конкретных представлений животного царства. Мысль как бы отвлекается от возникших в воображении (в ответ на мою просьбу) конкретных представлений и создает общее понятие, которое наше воображение, если и попытается как-то обозначить, то, вероятнее всего, создаст образ никогда не существовавшего в реальности вида животных, который вберет в себя черты самых разных живых существ. Этакое «чудище обло, озорно, стозевно и лайя».

Абстракция обозначает процесс мышления, в котором мы отвлекаемся от единичного, случайного, несущественного и выделяем общее, необходимое, существенное, чтобы достичь научно объективного познания. Способность к абстрагированию появилась у человека не сразу. Мышление как феномен возникло около 30-40 тыс. лет назад. Однако оно стало обретать привычные для нас контуры лишь

с середины первого тысячелетия до н.э. в Древней Греции.

Французский философ Клод Леви-Строс в книге «Первобытное мышление» рассказывает об одной исследовательнице, которая, прибыв в африканское племя, захотела, прежде всего, изучить язык этих людей. В процессе изучения языка оказалось, что у них, например, не существовало понятие «растение», обобщающего все виды растущих цветов, деревьев, травы... Туземцы представили ей огромное количество ботанических образцов. Здесь каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок знают сотни видов растений. Но ведь, изучая чужой язык, мы опираемся и на общие понятия, а вот именно они-то и отсутствовали в языке, вызвав недоумение у исследовательницы⁸.

Мышление как процесс разрешения проблем

Этнография показала, что первобытные племена, в том числе и те, которые существуют сегодня, наделены чрезвычайно острым восприятием пространства. Туземец способен видеть мельчайшие детали своего окружения. Он необычайно чувствителен к любому изменению окружающей среды. Даже в самых трудных ситуациях он может найти верную дорогу. С предельной точностью следует он за всеми поворотами реки, когда гребет, идет под парусами или просто плывет по течению.

Но наряду с этой способностью и даже вопреки ей у него обнаруживается странный недостаток в понимании пространства. Если попросить его дать общее описание или начертить карту реки, он даже не поймет, что его просят сделать. О чем это свидетельствует? Прежде всего о том, что абстрактное мышление формировалось у этих людей постепенно.

Туземец хорошо знает направление течения реки, но его знакомство с ней далеко от того, что можно назвать знанием в абстрактном, теоретическом смысле. Если у вас в руках вещь и вы умеете правильно, то есть с практической пользой, обращаться ней, то это еще не означает, будто вы имеете полное представление об этой вещи. Нужно выработать общую концепцию данной вещи, определить ее бесчисленные взаимосвязи с другими объектами, и в то же время понять и специфические отличия от них, то есть понять ее глубинный смысл, ее суть и особое место среди прочих вещей. Это и есть путь теоретического мышления.

⁸ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 117.

Мышление всегда ставит перед собой задачу решить ту или иную проблему. Скажем, современная физика предлагает некоторые удивительные возможности объяснения, основанные на более широком понимании природы времени. Эйнштейновская теория относительности, заменившая трехмерное пространство и линейное время концепцией четырехмерного континуума пространства-времени, дает интересную возможность для понимания некоторых трансперсональных переживаний, касающихся других исторических периодов. Специальная теория относительности при определенных обстоятельствах допускает обратный ход времени. В современной физике все более привычным становится желание рассматривать время как двунаправленную — вперед и назад — сущность. Так, например, в физике высоких энергий при интерпретации пространственно-временных диаграмм движение частицы во времени равносильно движению соответствующих античастиц в обратном направлении.

Мышление может быть продуктивным и репродуктивным. Продуктивность — это реализация человеком его потенциальных возможностей, его сил. Способность человека продуктивно использовать его силы — это благодатный дар. Силой разума человек способен проникать вглубь явлений, понимать их сущность. Силой воображения он может представить нечто еще не существующее, планировать и осуществлять задуманное. Тогда же, когда у человека оказывается недостаточно этих сил, его отношение к миру постепенно превращается в желание доминировать, оказывать давление на других людей, то есть относиться к ним так, как если бы они были вещами.

Отношение к миру, согласно Э. Фромму, может быть двояким: репродуктивным, когда восприятие действительности может быть двояким: репродуктивное, когда восприятие действительности остается всегда одним и тем же, вроде фильма, бесконечно воспроизводящего во всех деталях отснятый материал (хотя даже простое репродуктивное восприятие требует активной работы ума); и генеративное (продуктивное), при котором осуществляется оживляющее и преобразующее постижение мира с помощью спонтанной активной работы умственных и эмоциональных сил человека. Каждому человеку свойственны в той или иной мере оба эти способа отношения к миру, однако диапазон между ними весьма широк. Временами какой-то из них как бы атрофируется, а другой — предельно активизируется, и тогда изучение крайних проявлений второго представляет собой лучший из возможных подходов к пониманию его

сущности. В свою очередь, при временном атрофировании второго удастся лучше изучать первый тип отношения к миру.

Нашей культуре, по мнению Э. Фромма, весьма свойственна относительная атрофия генеративной способности. Человек может осознавать некую реальность такой, как она есть (или так, как принято в данной культуре), но он не в состоянии привнести в нее что-либо новое, оживить ее по-своему, исходя из собственного восприятия. Такой человек — «реалист» в буквальном смысле слова. Он видит все, что можно увидеть на поверхности явлений, но не способен проникнуть за пределы видимого, в их сущность и мысленным взором увидеть невидимое. Он видит детали, но не целое, деревья, но не лес. Действительность для него лишь совокупность того, что выступает в явно материальном виде. Нельзя сказать, что такой человек обладает небогатым воображением, но его воображение функционирует как вычислительная машина, комбинирующая уже известное и существующее, выводя таким образом свои последующие действия

Дж. Гилфорд выступил с критикой тех психологов, которые считают способность к творчеству единой и цельной переменной, четко отличающейся от «общего интеллекта». По его мнению, в творческом мышлении участвуют пять типов умственных операций:

1. познание (уяснение);
2. извлечение из памяти;
3. конвергентное мышление (направленное на поиски логической необходимости);
4. дивергентное мышление (направленное на поиски логических возможностей);
5. оценочные действия.

Эти интеллектуальные процессы принимают участие в решении любых проблем.

Проблемы в свою очередь могут быть представлены с помощью четырех различных типов «информационных кодов»: фигурно-пространственного, семантического, символического и поведенческого. Причем интеллектуальные операции при решении проблем, выраженных различными кодами информации, не одинаковы. Способность, например, к дивергентному мышлению проявляется по-разному при использовании фигурно-пространственного, семантического, символического и поведенческого кодов⁹.

Эти коды позволяют выразить шесть разных информационных категорий: единичное событие (факт), класс, отношение, систему, преобразование и импли-

⁹ Guilford J.P. Attitude for creative thinking: One or many? — J. of creative behavior. N.Y., 1971. Vol. 5. № 3. P. 165-169.

кацию. Таким образом, хотя основных умственных операций всего пять, но элементарных умственных способностей Гилфорд выделил значительно больше: 120 (5 x 4 x 6). По его мнению, каждая из этих 120 способностей может быть выявлена с помощью специально разработанного теста. Особое значение придавал Гилфорд дивергентному мышлению, считая его одним из необходимых компонентов творческого мышления. Между тестами на коэффициент интеллектуальности и тестами на дивергентное мышление очень низкая корреляция: из этого следует вывод, что «общий интеллект», который выявляется тестами на КИ, не включает в себя способность к дивергентному мышлению. Вместе с тем многие из 120 способностей, описанные в Модели структуры интеллекта, являются составными частями как творческой одаренности, так и интеллекта.

Любой тест на творческую одаренность, считает Гилфорд, должен включать в себя проверку способности к дивергентному мышлению и к преобразованиям. Поэтому Гилфорд предостерегает, что при оценке творческого потенциала студентов мнение преподавателей бывает ошибочным, так как они склонны отождествлять «общий интеллект» с творческой одаренностью.

Поскольку творческий талант состоит из многих компонентов, то нет и не может быть одного исчерпывающего и надежного теста. Требуется «множественный подход» с тщательным выбором и оценкой тестов; причем сложность изучаемых структур требует применения изоциренного математического аппарата.

По мнению Гилфорда, даже совокупность всех выделенных до сих пор дивергентных способностей не может полностью объяснить способность к творчеству. В творческом процессе принимают участие и другие способности, другие операционные категории, отличающиеся от дивергентных. Эмпирические доказательства этого факта содержатся в исследованиях Парнза и Ноллер. «Способности, необходимые для преобразований, вероятно, так же важны, как и способности к дивергентному мышлению»¹⁰. По мнению Гилфорда, «и интеллект, и способность к творчеству, которая является важной частью интеллекта, — многомерны»¹¹.

Психолог из Нью-Йорка Д. Зегас определяет дивергентное мышление как «мышление, движущееся в разных направлениях». Такое мышление менее ограничено установленными фактами, чем другие

типы мышления, оно позволяет менять направление в процессе решения проблемы и ведет к разнообразию решений и результатов.

В литературе часто употребляют термин «тест на дивергентное мышление» в значении «тест на творческую одаренность». Однако, по мнению Зегаса, до сих пор не доказано, что способность к дивергентному мышлению есть синоним творческой одаренности. Целью проведенного им исследования было установление валидности тестов на дивергентное мышление.

Зегас составил набор из 20 тестов на дивергентное мышление; из них 8 тестов были построены на семантическом материале, 6 — на символическом и 6 — на фигурно-пространственном. Каждому испытуемому предъявлены были все эти тесты (испытуемые — 106 человек, в возрасте от 17 до 55 лет — были студентами последних курсов разных факультетов). Результаты тестирования подверглись математической обработке и анализу.

Зегас предполагал, начиная свой эксперимент, что каждый участник покажет наилучшие результаты при выполнении тестовых заданий, построенных на материале, близком к «специфическому коду» избранной им специальности: выпускники художественного факультета должны показать наилучшие результаты при выполнении заданий фигурно-пространственных тестов, музыканты — при выполнении заданий, составленных на символическом материале, а выпускники литературного факультета должны лучше справляться с семантическими заданиями.

Эксперимент полностью подтвердил первоначальную гипотезу. Отсюда Зегас делает вывод, что «три содержательные категории дивергентного мышления (семантическая, символическая и фигурно-пространственная) являются вполне валидными конструктами и представляют специфические и независимые типы умственных операций. Таким образом, полагает автор, выделенные Гилфордом «дивергентные операции» правильно описывают реально существующие умственные процессы. Однако вопрос о предсказательной ценности тестов на дивергентное мышление решить не так просто, ибо в творческой деятельности кроме дивергентных умственных операций принимают участие и операции других типов, а творческая деятельность в любой области никогда не ограничивается информацией, представленной в одной лишь символической, семантической или фигурно-пространственной форме. Поэтому «творческий потенциал ни в коем случае не является единообразным набором четко определенных черт, а скорее это комплекс многих черт

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

и способностей»¹². Дивергентное мышление играет в творчестве лишь частичную роль и все же корреляция между творческой одаренностью и способностью к дивергентному мышлению несомненно существует. Однако для окончательного выяснения предсказательной силы тестов на дивергентное мышление (предсказывают ли они творческие достижения в реальной жизни, а не в лабораторной обстановке) понадобятся многолетние наблюдения за испытуемыми.

Невротические стили — это способы деятельности, характерные для разных невротических состояний. Здесь можно говорить о формах мышления и понимания, разновидностях эмоциональных переживаний, субъективном восприятии вообще.

Рассматривая общение или действие, мы обычно обращаем внимание на их содержание, а чтобы понять модель, требуется иное, возможно, несколько более пассивное внимание. Однако если эту модель удастся распознать, то нам открываются новые аспекты уже знакомых вещей, и мы узнаем нечто интересное и даже захватывающее.

Впервые стили человеческой деятельности (в особенности мышление и понимание), характерные для различных психопатологий, заинтересовали Гилфорда в процессе работы с психологическими тестами. В тестах, в особенности в тесте Роршаха, мышление и понимание являются основным материалом, позволяющим определять защитные механизмы, характерные детали и диагноз. Но при этом способы мышления, которые обычно используют для диагностики защитных механизмов, синдромов, получения общей психологической картины, сами по себе являются очень важными психологическими структурами, куда более обширными, чем определяемые с их помощью характерные черты и механизмы. Например, если идентифицировать с помощью защитных механизмов и симптоматических характеристик навязчивых состояний стиль понимания и мышления, то этот стиль сам будет являться психологической структурой. Если же, как это часто бывает, небольшие вариации одного и того же стиля предполагают существование других, чаще всего адаптивных черт, то в данном случае основной стиль можно считать базовой матрицей, из которой происходят разные симптомы и защитные механизмы. Другими словами, способ мышления может быть одним из факторов, определяющих форму симптомов, защитных механизмов и адаптивных черт.

Возможно ли описать формы функционирования мышления, восприятия и поведения, характеризую-

щие разные психологические типы и стили деятельности, которые образуют матрицы для отдельных черт и симптомов и формируют эти черты и симптомы в каждой конкретной личности?

В пользу такой концепции говорит человеческая склонность к обобщению, однако у нее имеется и клиническое подтверждение. Яркие патологические симптомы регулярно проявляются в контексте намерений, интересов и интеллектуальных склонностей, и даже в профессиональных и общественных склонностях, с которыми связаны определенные симптомы и черты. Женщина эмоционального типа (по К.Г. Юнгу) не интересуется наукой и математикой и ничего о них не знает. В таком случае мы говорим, что типажность соответствует природе действий, склонностей и отсутствию склонностей, которые создают основу.

Подобные сходства в деятельности человека невозможно объяснить проявлениями защитных механизмов или производными механизмов поведенческих. Для такого объяснения они слишком обширны. Можно сказать, что они являются составляющими личного стиля. Конечно, какой-то один стиль не может послужить описанием для всех сфер деятельности личности, но при этом стили могут дать картину общих аспектов деятельности (познания, эмоционального восприятия и т.п.). Они могут быть организованы и связаны между собой. Составляющие индивидуальной деятельности, например, соотношение между симптомами и адаптивными чертами, отражают стили, определяя формы симптомов и несимптомов, защищающих от импульсов и адаптивных проявлений этих импульсов. Они медленно меняются и служат гарантией не только сохранения индивидуального стиля, но и относительно долговременной стабильности.

Справедливо считается, что в работах Фрейда, Джонса и Абрахама содержатся предположения о том, что обобщенные в той или иной мере формы поведения не всегда привязаны к символическим проявлениям первичных объектов: иногда в этих формах появляется адаптивная сила. Другими словами, инстинктивные формы обобщаются в более широкий стиль деятельности. В этих работах можно найти концепции определенных форм эго, тенденций и механизмов (например, сублимации и реакции), но при этом они не описывают основные модели деятельности, формирующие то, что мы называем характером.

Понятие характера появилось несколько позже, в характерологии В. Райха. Согласно Райху, невротическое решение инфантильного инстинктивного конфликта достигается в процессе общего изменения

¹² Там же.

деятельности, при полной кристаллизации невротического характера. Райх так и изучал «характер как единое целое», а не его отдельные черты и защитные механизмы, и у него именно характер в целом стал объектом терапевтического понимания. «Проблема, — говорит он, — не в содержании и не в природе конкретной черты характера, а в изначальной модели реагирования в целом»¹³.

Такие способы поведения — например, «самоограничение и однообразие в жизни и мышлении» у человека с обсессивно-компульсивным характером — невозможно описать, исходя только из контекста раннего влечения. Форма характера «не может создаваться индивидуальными импульсами и содержанием отдельных черт; она придает личности ее неповторимость»¹⁴.

Это не просто обобщенные формы деятельности, они являются стабильными и даже застывшими. Эго «затвердело», защитные реакции приняли определенные формы.

Однако в двух пунктах представленная Райхом картина характера не является адекватной, и эти пункты оказываются очень схожими. Они касаются происхождения общего способа реагирования (формы характера) и его функций. С точки зрения Райха, характер возникает из инфантильного инстинктивного конфликта; сначала — это способ справиться с конфликтом. Райх считает, что в развитии форм характера играют роль только инстинктивные факторы — «даже у новорожденного есть свой характер», но, очевидно, что это явно просто уступка противоположному взгляду. В то же время он считал, что патология характера приобретается, а не наследуется.

Приобретая твердость, характер выполняет лишь защитные функции. Он «связывает» импульсы, обнаруживая стабильность, ограничивает свою гибкость и защищается от внешнего и внутреннего мира. Иными словами, он исполняет защитные функции экономичнее, по сравнению со специфическими защитными реакциями. Его задача — не только справиться с изначальным конфликтом, но и продолжать исполнять большую часть защитных функций в «продолжающемся конфликте» между инстинктивными требованиями и внешней фрустрацией. Райх говорил, что «продолжающийся конфликт между инстинктом и внешним миром придает (защитной функцией характера) силу и смысл существования».

Таким образом, Райх не считает, что общие формы существуют независимо от защитных механизмов

и инстинктивного конфликта. В его представлении характерные способы деятельности не адаптируются к проявлениям внешнего мира. Это исключает существование изначальных, независимых от инстинктивного конфликта, психологических функций, способностей и тенденций, определяющих форму характера. И такая точка зрения не предполагает, что внешняя реальность, в особенности социальная реальность в раннем возрасте, своими возможностями, требованиями и формами существенно влияет на развитие характерных адаптивных функций. В психоанализ эта идея была внесена позже Хайнцем Хартманном и Эриком Эриксоном.

Однако после Райха интерес психоанализа к проблеме характера несколько угас. Возможно, дальнейшая разработка проблемы требовала новых теорий и концепций. В любом случае изучение эго, начатое и, вне всякого сомнения, продвинутое работами Райха, теперь стало представлять для психоанализа основной интерес.

Исследования Хартманна показали важность психологического развития врожденных ментальных структур (например, памяти и структуры познания). По мнению Хартманна, эти структуры являются основными в приспособлении человека: они формируют ядро адаптивной психологической деятельности, относительно независимой от инстинктивного конфликта. Но эти врожденные структуры и их продукция (например, мышление и язык) важны не только для адаптивной деятельности. Благодаря своему положению и особым характеристикам, они влияют на выбор пути «предпочтительности» разрешения конфликта и выбор защиты. Так, Хартманн указывает на то, что автономный характер мышления является независимой составляющей индивидуального выбора и реализует защитный процесс интеллектуализации.

Хартманн разработал общую теорию независимого развития эго, а Эриксон описал ее более специфические аспекты. Работа Хартманна во многом основана исключительно на предположениях, ибо в то время не было проведено достаточных исследований развития характера и общих форм деятельности. Эриксон конкретно показал, как в определенных областях происходит такое развитие. Он описывает, как постепенно, наряду с психосексуальной динамикой, раскрываются основные способы функционирования — «паттерны приближения, способы подхода, способы поиска связей». Каждая фаза создается доминирующими сексуальными инстинктами, а ее изменение происходит под влиянием возникающих способностей и тенденций. Результат фазы развития

¹³ Райх В. Характероанализ. М., 1999.

¹⁴ Там же.

зависит не только от судьбы инстинкта. В результате кристаллизации социальных форм (модальностей) появляются способ деятельности, отношение, строение мышления.

Таким образом, в отличие от райховских «способов реагирования», у общих форм функционирования в схеме Эриксона существует три корня: инстинктивное развитие, появление зрелых способностей и тенденций и возникающие на каждой фазе развития внешние социальные условия.

Способы и модальности Эриксона охватывают определенную область и уникально выделяют индивидуальные аспекты. Они дают описание того, что люди делают и чувствуют, какие силы ими движут и какие внутренние системы их сдерживают. Хотя такое систематическое изучение было бы весьма ценным, совершенно очевидно, что многие важные для изучения психопатологии области — в частности, когнитивный процесс — невозможно адекватно описать, используя модальности схемы Эриксона.

Р. Уайт, отдавая должное великому множеству типов и областей деятельности психики, утверждал, что общие способы деятельности, о которых говорил Эриксон, слишком тесно связаны с развитием либидо. И действительно, говорить о познании как о рецептивной функции — значит недооценивать вовлеченные в нее процессы (процесс понимания, мышления и т.д.; подобные термины дают лишь самое общее понимание поведения. Нет серьезных причин считать, что отдельный метод будет воспроизведен во всех областях и на всех уровнях деятельности. Например, если психосексуальное или социальное поведение может быть названо «нападением», то из этого не обязательно следует, что такому поведению соответствует способ познания, который нужно называть «нападением», и что такое поведение и способ познания могут быть взаимосвязаны и взаимно облегчать друг друга. Напротив, важно изучать разные формы и способы деятельности, описывая их в терминах, соответствующих их содержанию. Они оказываются взаимосвязанными и взаимнооблегчающими.

Кляйн и Гарднер со своими сотрудниками изучали в основном когнитивную деятельность. Придерживаясь общей теоретической ориентации Хартманна и Эриксона, они разработали и применили психологическую и психоаналитическую концепцию стиля или формы деятельности. Вскоре после второй мировой войны появились экспериментальные работы в области понимания, которые обычно оказывались под рубрикой «Новый взгляд». Эти эксперименты демонстрировали влияние на понимание мотива или

потребности. Появившаяся несколько позже (отчасти в ответ на результаты «нового взгляда») работа Кляйна показала, что результаты влияния потребности на понимание не имеют столь простого и прямого объяснения. Было показано, что у разных людей такие влияния различны, а поэтому конкретные направления зависят от выбора когнитивных задач и разной мотивации. Когда человеку, испытывающему жажду, показывали раздражители, связанные с жадой, как правило у него появлялись когнитивные отклонения (по сравнению с человеком, не испытывающим жажду). Но эти отклонения у разных людей были различны и соответствовали склонностям данного конкретного человека, которые тот проявлял не испытывая жажды¹⁵. Иными словами, можно показать, что у человека существуют относительно стабильные когнитивные способности, определяющие форму влияния, которое оказывает мотив или потребность.

Кляйн и его сотрудники исследовали ряд когнитивных склонностей, подразумевая, что они являются регулируемыми и контролирующими структурами. Когнитивные склонности, писал Кляйн, «отражают высшие обобщенные формы контроля, которые проявляются в поведении человека в качестве способа воспоминания».

Кляйн считал, что у каждого человека существует набор таких склонностей, и обозначил их структуру, существующую у конкретной личности, термином «когнитивный стиль». Кляйн предположил, что основой когнитивного контроля являются врожденные склонности, на которые ссылается Хартманн. Кляйн исследовал связь между когнитивными стилями и защитными реакциями (хотя известными психоанализу регулируемыми структурами), но этот вопрос все еще ждет своего полного исследования. Индивидуальные когнитивные стили, вне всякого сомнения, являются одним из аспектов матрицы, определяющей природу защитных реакций и форму патологического симптома.

Филипп Райфф в книге «Фрейд: Мышление моралиста» критикует психологическую систему Фрейда за то, что ее создатель не уделяет должного внимания существующим склонностям, тенденциям, «формам мышления» и не считается с их важностью. Под существующими склонностями Райфф, в частности, подразумевал общие тенденции понимания, изученные гештальт-психологами. Райфф утверждал, что Фрейд совершил ошибку, отождествляя существующие склонности (черты характера) с их возможной причи-

¹⁵ Klein M. Need and Regulation. Nebraska Symposium on Motivation, Lincoln, 1954. P. 224-274.

ной. Он пишет, что «хотя дуб и зарождается в желуде, все же не следует считать выросшее дерево желудем «в сущности». В критике Райффа верна мысль о недостаточном внимании к «формам мышления», или к стилям деятельности. Из-за этого психоанализ до сих пор не разработал психологии характера. Однако Райфф слишком категоричен: ведь именно разработанная Фрейдом теория эго и структурная модель привели к более поздним разработкам, о которых уже говорилось.

Эти формы мышления можно считать когнитивными стилями, присущими разным характерам. Очевидно, эту проблему происхождения стилей деятельности нельзя назвать простой; высказывались предположения, что они могут возникать из множества связанных источников. Изучение самих стилей и создание ясной картины форм познания, деятельности, эмоционального восприятия и т.д. является необходимыми предварительными условиями для понимания причин. Изучение должно включать в себя тщательное наблюдение и анализ существующих (и более или менее проявляющихся) тенденций, незаметных в обычной обстановке аспектов восприятия и деятельности: постоянного стиля жизни, сознательных склонностей и общественного поведения.

Фрейд показал, что «имеют смысл» даже самые странные симптомы и самое необычное поведение. Наверное, главным последствием такого взгляда было открытие важного значения ранних инстинктивных влечений. За странностями можно обнаружить силы — подавленные или перенаправленные, но тем не менее существующие — и, обнаружив эти силы, мы видим, то такие странности оказываются простыми человеческими качествами. Структуры, ответственные за искажения, находили признание всегда (несмотря на противоположное утверждение Райффа), но за ними искали скрытые универсальные человеческие силы. Однако в последние годы интерес изучающих «психологию эго» обратился на сами структуры, и мы спрашиваем: «Как действует человек?», а не только: «Каковы его мотивы?».

Рассмотрим такой аналог. Предположим, мы наблюдаем, как ведет себя индеец, человек мало знакомой культуры. С изумлением мы можем заметить, что сейчас стоит засуха и, скорее всего, здесь находится сельская община; мы считаем, что, наверное, это молитвенный танец, вызывающий дождь, а может быть — и выражение страха. Следя за ним внимательно, мы можем уловить определенные жесты, подтверждающие нашу догадку. Несомненно, в этот момент у нас появилось понимание того, что происходит. Но ограниченность такого понимания

станет очевидной, как только мы обратим внимание на фермера-индейца, которые тоже страдают от засухи, но не присоединяется к танцу. Ему эта жестикуляция даже не приходит в голову; вместо этого он идет домой и не проявляет беспокойства. Индеец танцует не только вследствие засухи, но и потому что он индеец. Его танец следует из определенных склонностей и способа сознания, из относительно стабильного склада мышления. Знание этих стабильных структур помогает лучше понять смысл его поведения.

Почти то же самое можно сказать о невротических симптомах и патологических чертах. Например, компульсивная личность заинтересована в том, чтобы сомневаться, тревожиться и совершать ритуалы. Динамическое понимание, неважно насколько оно корректно само по себе, не может объяснить, почему оно заинтересовано именно в этом. Компульсивный человек выполняет свои ритуалы не только из-за инстинктивной и контринстинктивной сил, но и потому, что он компульсивен, то есть вследствие наличия относительно стабильной модели мышления и познания, определенных способностей. Здесь присутствуют не только виды деятельности, непосредственно связанные с конкретным действием или реализацией импульса, потребности или аффекта.

Иными словами, можно сделать вывод, что компульсивный человек ведет себя определенным образом под влиянием внутреннего импульса или внешней провокации не только благодаря определенной ответной реакции, но и благодаря определенному способу восприятия этого импульса или раздражителя. Именно здесь заключается клиническое применение невротических стилей. Стабильные формы деятельности служат причиной индивидуального перехода инстинктивного импульса (или внешнего раздражителя) в сознательный субъективный опыт, поведение и симптомы. (На этом сделан акцент в теории Адлера, в соответствии с которой субъективная важность события зависит от индивидуального «стиля жизни». Но, как я понимаю, понятие «стиль» в данном случае означает способ приспособления, благодаря которому человек достигает своих жизненных целей).

Только в контексте субъективного мира или способов деятельности, из которых следует выбор невроза, наше поведение распространяется и на субъективный мир личности. Только в контексте субъективного мира или способов деятельности можно ясно понять индивидуальную важность ментального содержания. Ментальное содержание или некое проявление поведения — например, фантазия

или симптом — не только отражают содержание инстинктивного импульса или контримпульса, но и являются продуктом стиля деятельности. Только поняв стиль и общие склонности мышления и интересов личности, можно воссоздать субъективное значение поведения или мысли. Однако и та же мысль будет иметь абсолютно разное значение для разных людей, а самые разные действия могут иметь очень близкое значение. Не понимая этого, мы рискуем — это от-

носится и к терапевтам, и к людям, которые проводят тесты, — увидеть лишь книжное толкование, возможно верное, но далекое от настроения и восприятия конкретной личности.

Невозможно изучать невротические стили деятельности, не обратив внимания на то, что специфические действия невротика, его сознательные склонности и видения мира являются важнейшими функциональными элементами невроза.

Список литературы:

1. Делёз Ж. Критика и клиника. СПб., 2002.
2. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.
3. Меркулов И.П. Когнитивные способности. М., 2005.
4. Райх В. Характероанализ. М., 1999.
5. Розин В.М. Методология. Становление и современное состояние. М., 2005.
6. Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск, 2003.

References (transliteration):

1. Delez Zh. Kritika i klinika. SPb., 2002.
2. Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie. M., 1994.
3. Merkulov I.P. Kognitivnye sposobnosti. M., 2005.
4. Raykh V. Kharakteroanaliz. M., 1999.
5. Rozin V.M. Metodologiya. Stanovlenie i sovremennoe sostoyanie. M., 2005.
6. Selivanov V.V. Myshlenie v lichnostnom razvitii sub'ekta. Smolensk, 2003.